

1. Львова, О.А. Медиация – шаг вперед к гражданскому обществу // Российская юстиция. - 2010. - № 1. - С.12.
2. Марковичева, Е.В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства // Российский судья. - 2009. - № 9. - С. 27.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ГРАЖДАНСКИМ ИСКОМ

Шапневский В.М., Аннамурдова Д.С.

Принятие УПК Республики Беларусь 1999 года значительно укрепило положение института гражданского иска, придав ему должную значимость в решении задач уголовного процесса. Вместе с тем ряд положений этого института нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

В соответствии со ст. 148 УПК гражданский иск рассматривается совместно с уголовным делом. Однако на практике, и на это обращал внимание Верховный Суд Республики Беларусь, суды первой инстанции устранились от разрешения в уголовном процессе гражданских исков. Признав за истцом право на удовлетворение исковых требований, они передают иск для разрешения в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим возникает целый ряд проблем, затрудняющих гражданскому истцу осуществление права на возмещение вреда, причиненного предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием (далее - преступлением) [2, ст. 148].

Во-первых, преюдициальным основанием рассмотрения гражданского иска, вытекающего из вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства является приговор суда по уголовному делу. Практика знает случаи, когда окончательный приговор по делу может состояться через достаточно длительный промежуток времени в связи с обжалованием и опротестованием решения суда первой инстанции. Что в этом случае ждет гражданского истца?[5, с. 27].

Очевидно, что ожидание и невозможность осуществления права на возмещение или компенсацию вреда. Рассмотрение же гражданского иска в уголовном процессе и разрешение его в приговоре, как этого и требует закон, позволяют в результате оперативно решать одну из важнейших задач уголовного процесса - возмещение причиненного преступлением вреда. Кроме того, разрешение гражданского иска в приговоре избавляет лицо, и без того пострадавшее от преступления, от различного рода трудностей и переживаний, связанных с процедурой уголовного, а впоследствии еще и гражданского судопроизводства. На практике многие из пострадавших не желают вовлечения в уголовный процесс с целью осуществления своего права на возмещение или компенсацию вреда, причиненного преступлением, особенно когда вред для них является незначительным. Передача же иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства еще более усиливает эту тенденцию.

Нежелание добиваться возмещения вреда для лица обусловлено не только определенными сложностями, связанными с уголовным процессом (вызовы к следователю, в суд и другие), но и чисто материальными соображениями. Убытки, понесенные пострадавшим лицом в связи с отвлечением от работы, могут превысить в денежном выражении размер вреда, который подлежит взысканию, что попросту невыгодно. Отказ пострадавшего от осуществления своего права на возмещение вреда, причиненного преступлением, препятствует достижению целей правосудия. Это и профилактика преступлений, и воспитание правосознания и правовой культуры в целом.

Разрешение гражданского иска непосредственно в приговоре суда имеет ряд положительных аспектов. Во-первых, это позволяет разгрузить суды первой инстанции, и без того с трудом справляющиеся с валом дел, находящихся в производстве, так как происходит процессуальная экономия сил и времени, необходимых для разрешения гражданского иска. Во-вторых, это способствует экономии государственных средств, затрачиваемых на осуществление правосудия. В-третьих, уголовный и гражданский процессы, несмотря на внешнюю схожесть, построены на разных принципах. Уголовному процессу присущ принцип публичности, что вытекает из ст. 15 УПК. Гражданский же процесс построен на принципе равенства сторон (ст. 19 ГПК). В случае передачи гражданского иска для разрешения в порядке гражданского судопроизводства гражданский истец вынужден самостоятельно нести бремя доказывания обстоятельств, связанных с предъявленным иском, за исключением, разумеется, преюдициальных фактов. Это существенным образом затрудняет осуществление лицом права на возмещение вреда, причиненного преступлением. Такое положение дел недопустимо, поскольку ограничивает права и законные интересы пострадавших [3].

Существенным аргументом, выступающим против передачи гражданского иска для разрешения в порядке гражданского судопроизводства, является и лишение обвиняемого права на применение к нему более мягкого наказания в случае добровольного возмещения вреда. Это обусловлено тем, что в случае неустановления размера вреда он не может быть возмещен в полном объеме. В связи с неудовлетворительным качеством работы правоохранительных органов по возмещению вреда, причиненного преступлением, добровольное возмещение вреда имеет исключительную важность. В этом заинтересовано как само пострадавшее лицо, так и государство, расходующее значительные средства на содержание института судебных исполнителей.

Изложенное позволяет сделать вывод о недопустимости передачи гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 3 ст. 155 УПК, так как данная норма противоречит задачам уголовного процесса. Полагаем, что норма этой статьи подлежит исключению из УПК [2, ч. 3 ст. 155].

Следует отметить, что расследование дела не всегда оканчивается вынесением приговора. Значительная часть уголовных дел прекращается производством как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного следствия. Кроме того, прекращает уголовные дела и прокурор. Все эти случаи

являются основанием для разрешения гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. Правовое положение гражданского истца при этом значительно хуже, нежели после вынесения приговора по делу, так как объем доказывания для него увеличивается. В связи с этим считаем необходимым исключить в законе возможность прекращения по нереабилитирующим основаниям уголовных дел в случае, когда не возмещен в полном объеме причиненный преступлением вред.

Заслуживает внимания еще один проблемный вопрос, имеющий существенное значение для судьбы гражданского иска, это признание лица, пострадавшего от преступления, гражданским истцом. Практика показывает, что нередко случаи признания этих лиц гражданскими истцами только на стадии окончания предварительного расследования, а порой они вообще таковыми не признаются. В этих случаях лица, пострадавшие от преступления, лишаются возможности использовать свои процессуальные права и влиять на ход расследования дела в части, связанной с доказыванием гражданского иска.

Корни указанных выше нарушений кроются в формальном подходе органа предварительного расследования к разъяснению прав участникам процесса и недостаточной нормативной урегулированности (ст.ст. 52, 150 УПК). Дело в том, что, как правило, преступление раскрывается на первоначальном этапе расследования, и это означает, что в этот же период времени появляется физическое или юридическое лицо, пострадавшее от преступления, которое должно признаваться гражданским истцом. Оперативное признание его таковым и разъяснение принадлежащих ему прав позволит, с одной стороны, привлечь это лицо к активному участию в процессе, а с другой, обеспечить всестороннее, полное и объективное расследование по делу. В связи с этим полагаем необходимым изменить содержание нормы ч. 1 ст. 150 УПК и изложить ее в следующей редакции: "При установлении наличия вреда, причиненного физическому или юридическому лицу преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого, орган уголовного преследования или суд незамедлительно разъясняют им или их представителям право предъявить гражданский иск, о чем составляется протокол или делается письменное уведомление"; а содержание нормы ч. 1 ст. 52 УПК необходимо дополнить словами: "Постановление (определение) о признании лица гражданским истцом выносится незамедлительно после подачи им искового заявления" [2].

Важность такого процессуального действия, как признание лица гражданским истцом, обусловлена наличием еще одного обстоятельства. Необходимо стремиться к тому, чтобы в каждом случае причинения вреда было предъявлено требование о его возмещении или компенсации. Особенно это касается компенсации морального вреда, которая возможна только посредством предъявления иска (имущественный вред, например, может быть возмещен посредством уголовно-правовой реституции). Однако не существует законных оснований для того, чтобы обязать пострадавшего обратиться с иском о компенсации морального вреда, так как праву требования возмещения в полной мере присущ один из принципов римского частного права *nemo inuitus agere cogitur* (никто не может

принудить истца обратиться к суду за защитой). Вместе с тем обязательное требование пострадавшего лица о компенсации или возмещении вреда имеет важное значение для реализации задач уголовного процесса.

Проиллюстрируем данную ситуацию следующим примером.

По рассмотренному судом уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК Республики Беларусь (разбой), В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, угрожая ножом, пытался похитить имущество К., однако К. сумел предотвратить его действия. В постановлении о признании потерпевшим указано, что К. причинен моральный вред, однако К. иск не предъявлял и компенсацию за вред не получил. В данном случае ответственность В. за совершенное преступление является неполной, и правосудие не достигло своей цели, так как, на наш взгляд, только одновременное привлечение виновного к уголовной ответственности за совершенное преступление и к имущественной ответственности за причиненный вред соответствует смыслу ч. 1 ст. 7 УПК о справедливом наказании и обеспечивает достижение целей правосудия [3,4].

Приведенный пример является характерным для правоприменительной практики и в другом смысле. Причины отказа К. от своего права на возмещение вреда ни органом предварительного расследования, ни судом не были выяснены. Можно предположить, что такое решение было вызвано невозможностью К. в силу ряда обстоятельств (болезнь, отсутствие средств или времени и другие) осуществить свое право. В этом случае осуществить право К. вправе и, как мы считаем, обязаны прокурор и суд, что предусмотрено ч.ч. 6,8 ст. 149 УПК. В связи с этим следует предусмотреть в УПК обязанность органа, ведущего уголовный процесс, выяснять причины отказа пострадавшего от права на возмещение вреда, причиненного преступлением, с обязательным занесением этих сведений в протокол.

Подводя итог, отметим, что это далеко не все проблемные вопросы, касающиеся возмещения вреда, причиненного преступлением рассмотрены нами. Вместе с тем законодательное решение даже названных вопросов позволило бы существенно улучшить качество работы по рассмотрению гражданских исков, в частности и по возмещению и компенсации вреда в уголовном процессе в целом.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999г. с изм. и доп. на 3 января 2012 г. № 335-3// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012г.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З. с изм. и доп. на 4 января 2012 г. № 337-3// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012г.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 с изм. и доп. на 13 декабря 2011 г. № 325-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012г.
5. Кудрявцев И.А. Возмещение морального вреда.- М., 1993, . – 211 с.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА»

Ястреб Д.С., Калина О.Л.

Адвокатская тайна - проявление независимости адвоката и необходимое условие реализации им важнейших профессиональных функций судебного представительства и защиты. Слово «адвокат» произошло от латинского *advocare*, - призванный на помощь. Французские адвокаты, первыми еще в XIV в. рассудили: как станут люди доверять свою защиту, если не будут уверены в сохранении тайны, сообщенной с глазу на глаз? Нет уверенности в сохранении тайны - нет доверия. Нет доверия - нет профессии. С тех пор профессиональная тайна почитается как одна из базовых основ адвокатуры.

Адвокатская тайна является одним из древнейших правовых институтов и уходит своими корнями в эпоху Римской империи. Уже тогда адвокатам не позволялось участвовать в качестве свидетелей по тем делам, где они выступали в качестве защитников. Впоследствии норма, освобождающая адвокатов, а также иных лиц, осуществляющих судебное представительство или защиту, от дачи свидетельских показаний по делам своих доверителей, появилась в законодательстве многих стран.

Упоминание адвокатской тайны также встречается в перечне профессиональных тайн, сохранение которых под страхом уголовной ответственности вменялось в обязанность представителям различных профессий во многих странах. Такие нормы исторически закрепились в законодательстве ряда стран, в том числе, Франции, Германии, Швейцарии.

В русском языке слово «тайна» имеет два смысловых значения: «все скрытое, неизвестное, неведомое», а также «нечто скрытно хранимое, что скрывают от кого-либо». Очевидно, что уголовно-правовой смысл имеет только второе значение. Сведения должны быть известны или доверены узкому кругу лиц. При этом основанием знания сведений тем или иным лицом может быть профессиональная или служебная деятельность, брачно-семейные отношения и т.д. Общим для всех видов конфиденциальных сведений является тот факт, что свободный доступ к ним должен быть ограничен в силу предписаний законодательства.

В законодательстве Республики Беларусь понятию адвокатской тайны в контексте профессиональной тайны уделено достаточно внимания. Так, в соответствии с Правилами профессиональной этики адвоката он должен соблюдать профессиональную тайну и не вправе разглашать сведения, составляющие адвокатскую тайну, то есть сам «факт обращения клиента к адвокату, содержание бесед, изученных и составленных документов и иную информацию, касающуюся